

Появление Шэнь Хуэйцзюань заставило Юаньцзина навести справки о нынешнем положении семейства Чжэн. Результаты изысканий вызвали у него лишь холодную, исполненную иронии усмешку.

После того как Чжэн Дали разбил паралич, расходы на его лечение стали непомерным бременем. Чжэн Лаода, поначалу изображавший из себя почтительного сына, быстро преисполнился желчи и негодования, когда счета начали расти. Ситуацию обостряло и то, что Шэнь Хуэйцзюань никогда не работала, привыкнув жить на иждивении мужа, а на её попечении оставались двое младших детей, которым требовалось образование. Траты семьи Чжэн стали катастрофическими, и вскоре затяжной конфликт перерос в открытую вражду.

Раньше Чжэн Дали пользовался льготами на государственное медицинское обслуживание, но когда всплыли его прошлые прегрешения, власти, хоть и не стали арестовывать калеку, лишили его всех должностей и привилегий. Невестка парализованного больного наотрез отказалась терпеть «дармоедов», да и сам старший сын не желал тащить на себе такую ношу.

В итоге главу семейства забрали из лечебницы домой. Поскольку младшие брат и сестра были для Чжэн Лаода неродными по матери, он без лишних раздумий выставил их за порог вместе с Хуэйцзюань. Мужчина милостиво позволил им занять старый дом семьи Чжэн, считая, что проявил верх благородства, не оставив их ночевать под открытым небом — его жена настаивала на том, чтобы отобрать и это жильё.

Шэнь Хуэйцзюань не оставалось ничего иного, как, стиснув зубы, браться за любую ручную работу, чтобы прокормить детей. Однако сил её не хватало, и тогда она решила воззвать к милосердию Цзи Юаньцзина.

Юноша лишь усмехнулся. Родной отец и старший брат отвернулись от них, а содержать их должен он, единоутробный брат? Они и впрямь решили, что его добротой можно помыкать вечно. Даже если бы на его месте был прежний владелец этого тела, вряд ли бы он согласился на подобную несправедливость.

Узнав всё, что хотел, Юаньцзин выбросил эти мысли из головы. Он не стал ничего рассказывать отцу: пока Шэнь Хуэйцзюань не досаждаёт ему своим присутствием, незачем волновать Цзи Чанлиня старыми обидами.

Он и не подозревал, что отец мыслил точно так же. Цзи Чанлинь прекрасно знал о крахе семейства Чжэн, но помалкивал, опасаясь, что сын может проявить мягкосердечие к биологической матери.

Тем временем дела Юаньцзина процветали. Новое лекарство успешно прошло клинические испытания и поступило в массовое производство. Вместе с почетом росло и благосостояние, но этих средств всё ещё было недостаточно для воплощения масштабных замыслов. Молодой человек с головой ушел в разработку новых препаратов. На рынке одно за другим появлялись

эффективные средства традиционной китайской медицины, которые быстро завоевывали доверие простых людей. Более того, созданные им и его наставником кровеостанавливающие препараты привлекли внимание военных. Учитель и ученик без колебаний передали рецептуру государству, предоставив властям самим организовывать производство для нужд армии.

Благодаря этому поступку правительство стало оказывать эксперту всестороннюю поддержку: любые его начинания, не противоречившие закону, получали «зеленый свет».

В 1985 году Юаньцзин открыл собственный фармацевтический завод и заложил несколько баз по выращиванию лекарственных трав. Узнав, что он планирует в первую очередь трудоустроить ветеранов-инвалидов, власти охотно выделили ему обширные земельные участки и в кратчайшие сроки оформили все документы.

В том же 1985 году Цзян Циншань наконец вернулся с границы. Получив звание полковника, он был переведен в Пекинский военный округ.

Несмотря на неистовое желание поскорее воссоединиться с любимым человеком, за все эти годы они виделись лишь пару раз, когда Юаньцзин приезжал в полевые госпитали как эксперт. Перед переездом в столицу командир полка заехал в родную деревню: он решил забрать мать с собой. Ню Гуйлань старела, и оставлять её одну он больше не мог.

На этот раз мать согласилась без долгих уговоров. Раньше, когда сын служил далеко, старушка боялась стать обузой в чужом городе. Теперь же, когда его перевели в столицу, она с легким сердцем решила поехать за ним и наконец пожить в достатке.

Жители бывшей бригады «Красная Звезда», а ныне деревни Лайси, провожали Ню Гуйлань со смесью восхищения и зависти. Кто бы мог подумать, что вдова, в одиночку поднявшая сына, вырастит такого человека? Цзян Циншань — настоящий полковник! Для сельчан это был заоблачный чин.

Деревня Лайси славилась своими почвами и обилием дикорастущих трав, поэтому Юаньцзин, расширяя производство, направил туда своих людей для налаживания заготовок. Самого доктора в этот раз не было, но крестьяне, прощаясь с полковником Цзяном, просили передать Юаньцзину нижайший поклон и благодарность за то, что не забыл их и помогает деревне богатеть.

Циншань слушал их, и его сердце переполняла гордость. Таков был его Юаньцзин — человек исключительного благородства и таланта.

Последние годы Цзи Чанлинь жил в полном довольстве. Сын добился невероятных высот, и старые друзья не уставали осыпать его похвалами. Единственное, что омрачало его радость — это одиночество Юаньцзина.

Желающих сосватать своих дочерей такому завидному жениху было хоть отбавляй: и соседи, и коллеги, и даже сам директор университета — все пытались предложить свои услуги в качестве сватов. Но Юноша вежливо отклонял любые предложения, ссылаясь на чудовищную занятость.

Сыну скоро должно было исполниться тридцать. И хотя выглядел он немногим старше двадцатилетнего юнца, его холостяцкий статус не давал отцу покоя. Чанлинь мечтал о внуках, но больше всего он боялся, что на закате лет Юаньцзин останется совсем один, без родной души рядом.

«У меня хотя бы сын есть, который обо мне заботится. А у него и того не будет»

В один из вечеров, когда Юаньцзин пришел навестить отца, тот, улучив момент после ужина, завел привычную шарманку.

— Тебе скоро тридцать лет, это не шутки. Всех хороших девушек разберут! Нельзя быть таким придирчивым, неужели ты и впрямь собираешься вековать бобылем?

Юаньцзин замер с чашкой чая в руках. Их отношения с Циншанем укрепились еще на фронте, но они всё ждали подходящего момента, чтобы открыться близким. В письмах они часто обсуждали этот вопрос. Чтобы избавить родителей от страха перед одинокой старостью, полковник предложил усыновить детей своих погибших соратников, и Юаньцзину эта мысль пришла по душе.

Они не могли иметь общих детей, но приемные сироты могли бы подарить дедушке и бабушке долгожданное семейное тепло и утешение.

За годы переписки и редких встреч Юаньцзин искренне полюбил Цзи Чанлиня как родного отца, поэтому не хотел больше юлить.

— Папа, я как раз хотел поговорить об этом. Что ты скажешь, если я усыновлю нескольких детей погибших воинов?

Цзи Чанлинь опешил.

— При чем тут дети? Мы говорим о женитьбе! — Он нахмурился. — Ты собираешься растить их один? Без матери?

Старик не был против сирот — денег в семье хватало, да и дом был просторным. Он бы и сам с радостью занялся воспитанием внуков после выхода на пенсию. Но его смущала неполная семья.

— Кхм... — Юаньцзин неловко кашлянул и понизил голос. — А если в роли «матери» будет

Цзян Циншань?

Раздался глухой стук — чашка выпала из рук отца на стол, чудом не разбившись. Цзи Чанлинь недоверчиво переспросил:

— Кто-кто будет матерью?!

— Папа, ты не ослышался. Это Цзян Циншань. Мы всё обсудили и решили вместе дать этим детям дом. А кто из нас будет за отца, а кто за мать — не так уж важно.

Юаньцзин сбросил на отца настоящую информационную бомбу.

— Что за вздор! — Цзи Чанлинь в негодовании хлопнул по столу. — Вы что, в дочки-матери решили поиграть?

В глубине души он давно подозревал нечто подобное, но всегда старался отогнать эти мысли.

— Папа, это не шутки. Я серьезно. Мы с Циншанем будем заботиться о тебе и о тетушке Гуйлань. Пусть твоя «невестка» не отличается хрупкостью и мягкостью, но ты ведь знаешь его. Он на всё руки мастер. Те жилеты и куртки, что ты получал на ферме, он сам шил. Он даже подошвы подшивать умеет!

Юаньцзин, проявив несвойственную ему наглость, присел на корточки у кресла отца и, молодясь, ласково взял его за руку, глядя в глаза с обезоруживающей искренностью.

— Кхм-кхм... — Цзи Чанлинь зашелся в кашле, пытаясь представить себе этого огромного воина, сосредоточенно шьющего у лампы. Он не мог сказать о Циншане ни одного дурного слова — тот был безупречен во всём, если не считать постоянной опасности на фронте. Но смириться с таким положением дел было трудно. — Два мужика вместе... Да где это видано?

— Папа... — Юаньцзин преданно посмотрел на отца. — За все эти годы я не почувствовал симпатии ни к одной женщине. Папа, неужели ты думаешь, что я болен?

Сердце Цзи Чанлиня дрогнуло. Весь его гнев мгновенно испарился, сменившись щемящей жалостью к сыну. Он тут же решил, что это этот верзила Цзян сбил его ребенка с пути истинного — ведь сколько лет было Юаньцзину, когда он уехал в деревню? Совсем мальчишка!

Отец поспешно обнял сына.

— Ну-ну, не говори так. Есть у тебя отец, всё хорошо. Если не хочешь жениться — не надо. Раз уж тебе так дорог этот Цзян Циншань, пусть будет так. Пусть входит в нашу семью Цзи.

Юаньцзин спрятал лицо на груди отца, тихо посмеиваясь. Он знал, как сильно тот любит его, и всё же чувствовал укол вины.

— Папа, прости меня за такое сыновнее непочтение.

— Глупости. Кто посмеет назвать тебя непочтительным? Сердцу не прикажешь, я-то знаю по своему опыту.

Помня о своем неудачном браке, Цзи Чанлинь не хотел принуждать сына. К тому же иметь рядом такого надежного человека было не самым плохим исходом. Полковнику он доверял.

Но вот так просто отдать ему сына? Нет уж, этому наглецу еще придется попотеть!

На другом конце пути, в поезде, Ню Гуйлань тоже изводила сына разговорами о женитьбе. Циншаню перевалило за тридцать, а в доме — ни хозяйки, ни детей. Когда по деревне прошел слух, что он стал командиром полка и забирает мать в столицу, свахи одолели её дом. Предлагали и деревенских красавиц, и городских барышень, но Гуйлань не смела давать согласия без сына.

Теперь, когда они ехали в Пекин, она не удержалась и снова спросила, когда же ей ждать внуков.

— Мама, не волнуйся. Посмотри на эти фотографии — это твои будущие внуки и внучки. Как только устроимся в Пекине, я займусь их оформлением и привезу к нам. Тебе не будет скучно.

Ню Гуйлань с интересом разглядывала снимки.

— Что это значит? Откуда они взялись?

Циншань объяснил: это сироты его погибших товарищей. Их матери либо вышли замуж повторно, либо погибли. Родственники у них были, но жили дети в нужде. Полковник навел справки и твердо решил забрать их к себе.

Сердце матери наполнилось состраданием. Её сын вернулся с войны живым, и она не знала, как бы пережила его гибель. Глядя на эти маленькие лица, она чувствовала к ним бесконечную нежность.

Она знала, что сын был тяжело ранен и выжил лишь благодаря мастерству Юаньцзина. Тот мальчик Цзи был настоящим ангелом-хранителем их семьи — спас её сына дважды.

— Но согласится ли твоя невеста? — осторожно спросила она. — Если нужно, я могу забрать детей в деревню, чтобы не мешать вашей жизни.

Мужчина кашлянул, его лицо, потемневшее от южного солнца, едва заметно порозовело.

— Мама... Я обсуждал это именно с ним. Я несколько лет добивался его согласия.

— Невеста из Пекина? Мы её знаем? — обрадовалась Нью Гуйлань.

— Мама, ты его прекрасно знаешь. Он спас мне жизнь.

Циншань преданно посмотрел на мать. Нью Гуйлань нахмурилась в замешательстве.

— Кроме Юаньцзина... Кто еще? Тот врач, что был с ним?

— Мама, это и есть Юаньцин, — наконец выдохнул он. Командир хотел признаться позже, в Пекине, но слова сами сорвались с языка.

В купе повисла долгая тишина. Наконец Нью Гуйлань всплеснула руками.

— Да что же это такое?! Циншань, ты... ты что же, принудил доктора Цзи? Увидел, что он такой красавец, и в голову ударило?

Гуйлань вспомнила лицо Юаньцзина — тонкое, благородное, красивее любой девушки. Она искренне испугалась, что её сын, пользуясь силой, сбил парня с толку. Она даже отвесила сыну затрещину.

— Он жизнь тебе спас, а ты решил ему судьбу сломать?! Немедленно приедем — пойдешь извиняться!

Циншань едва сдержал смех, покорно снося гнев матери.

— Мама, полегче! Я никого не принуждал. Я годами за ним ухаживал, прежде чем он согласился. И детей мы решили брать вместе.

Нью Гуйлань всё еще кипела от возмущения. Она никак не могла взять в толк, за что такому утонченному человеку сдался этот солдафон. Ей было неловко перед доктором Цзи.

— Приедем — я сама с ним поговорю! И с его отцом тоже. Если старик Цзи будет против — и слушать тебя не стану!

— Хорошо, мама, как скажешь, — радостно отозвался Циншань.

Любимый, он наконец-то возвращается к нему!

На перроне вокзала Юаньцзин встречал их лично. Стоило Циншаню выйти из вагона, как его взгляд мгновенно выхватил из толпы знакомую фигуру — юноша всегда выделялся, притягивая взоры.

Ню Гуйлань, проследив за взглядом сына, тоже увидела его и вздохнула: «До чего же хорош...» Сравнение с её загорелым дочерним сыном было явно не в пользу последнего. Она почувствовала укол совести.

— Тетюшка, Циншань! Наконец-то вы здесь. Мы вас заждались.

Юаньцзин потянулся за вещами Ню Гуйлань, но та, смущенная, попыталась отказаться, однако парень был настойчив. Он тепло улыбнулся Циншаню, и они вдвоем, подхватив мать под руки, повели её к выходу.

Ню Гуйлань смотрела то на одного, то на другого. И хотя это было не то, о чем она мечтала, между ними чувствовалась такая гармония, что слова протеста застредали в горле.

— Юаньцзин, деточка, ты, небось, долго ждал? Прости нас за хлопоты.

— Ну что вы, тетюшка. Дорога на поезде куда утомительнее. Поедемте скорее домой, там нас уже ждет горячий обед.

Юноша вел их к машине. Пока Ню Гуйлань во все глаза смотрела на столичную суету, Юаньцзин одними губами, беззвучно, спросил Циншаня.

«Рассказал? Тетюшка на меня как-то странно смотрит»

Тот ответил таким же безмолвным движением губ.

«Рассказал. А ты?»

Юаньцзин улыбнулся.

«Тоже. Но учти, моего отца уломать будет сложнее»

Циншань мгновенно вытянулся, словно перед решающей битвой. И в каком-то смысле это был самый важный бой в его жизни: за право быть рядом с этим удивительным человеком.

Юаньцзин, заметив его серьезность, весело прищурился. Он знал, что их родители — добрые люди, которые больше всего на свете любят своих детей и желают им счастья.

За последние годы он выкупил соседний двор-сыхэюань. Парень хотел, чтобы тетушка Гуйлань жила рядом, но понимал, что ей может быть неловко в одном доме с Цзи Чанлинем. Деньги позволяли, и когда соседний участок освободился, он сразу приобрел его и привел в порядок. Между дворами сделали дверь, чтобы можно было свободно ходить друг к другу. В будущем дети смогут носиться по обоим дворам.

Тетушка Гуйлань была поражена просторным домом. К старости ей выпала такая удача, о которой её покойный муж и мечтать не мог.

После обеда и отдыха Нью Гуйлань прилегла вздремнуть, а Цзян Циншань, собравшись с духом, отправился в соседний двор — предстать перед судом Цзи Чанлиня.

Старик Цзи раньше очень любил этого парня за его помощь сыну, но теперь смотрел на него исподлобья.

«Черный как уголь, и где только Юаньцзин вкус потерял?»

Ударить его было не за что, ругать — воспитание не позволяло, и Чанлиню оставалось только сердито сопеть.

— И что твоя мать на это сказала? — сурово спросил он. Он не позволит сыну терпеть обиды.

Полковник честно ответил:

— В поезде она меня отругала. Сказала, что я и мизинца Юаньцзина не стою.

Эти слова немного смягчили сердце Цзи Чанлиня. Главное, что мать Циншаня не смотрела на них как на прокаженных. В конце концов, если его сын выбрал мужчину, то пусть это будет лучший из них.

— Ну ладно, — буркнул отец. — Заваривай чай. Посмотрим, не разучился ли ты в свои шахматы играть.

Он решил заездить этого наглеца поручениями, а напоследок — в пух и прах разгромить на шахматной доске.

<http://bllate.org/book/15835/1439977>